

Светлана С. Лешошко

Архитектура Русского зарубежья в Европе и особенности этого явления в Польше

Sztuka Europy Wschodniej Искусство Восточной Европы Art of Eastern Europe 2, 367-374

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

POLSKA – ROSJA: SZTUKA I HISTORIA
ПОЛЬША – РОССИЯ: ИСКУССТВО И ИСТОРИЯ
ТОМ II

Светлана С. Лешошко

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры
и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук,
Санкт-Петербург

Архитектура Русского зарубежья в Европе и особенности этого явления в Польше

Под архитектурой Русского зарубежья понимается деятельность и наследие российских архитекторов, оказавшихся в эмиграции в период между двумя мировыми войнами XX века, а также эмигрантской молодежи, которая получила архитектурное образование уже за рубежом, но ощущала свою принадлежность к русской культуре. Это так называемая первая волна российской эмиграции. Общепринято стало относить к Русскому зарубежью и вторую волну российской эмиграции – послевоенную (1943 – нач. 1950-х гг.). Но для целей данного исследования выделяется первая волна.

Наиболее крупными местами локализации русской архитектурной эмиграции в культурном пространстве русского зарубежья Европы являются: Чехословакия, Югославия, Франция, Германия, Эстония. Жили и работали русские архитекторы-эмигранты и в других странах Европы, например, Финляндии или Латвии, но их там было несравнимо меньше, а то и единицы (Англия, Бельгия, Болгария, Голландия, Литва, Италия, Швеция).¹ Данное исследование ограничено Европой для корректного сравнения

этого явления в Польше. Однако для введения в тему укажем на центры и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: это Китай, Северная и Южная Америка. Особенности формирования там русской эмиграции отличались от европейской, и по хронологии, и по условиям возникновения и развития.

Архитектуру Русского зарубежья можно рассматривать как целостное социо-культурное явление, несмотря на широчайшую географию и самобытные условия существования в каждой стране. Безусловно, местная архитектурная реальность оказывала определяющее влияние на творчество и организацию проектной деятельности русских архитекторов-эмигрантов: особенности локальной архитектурной традиции, ремесленная культура, строительный рынок, вкусы заказчиков, право на труд, индустриально-технический уровень страны проживания, – все это в результате оказывается очень существенным и более важным, чем национальная архитектурная школа, метод и опыт русского мастера. Поэтому нельзя говорить о некоей абстрактно-обобщенной „русской архитектуре” в зарубежье, образно явно выделяющейся своей школой или характерной „русской стилисти-

¹ О некоторых странах Европы сведений нет: Испания, Дания, Норвегия.

кой” в архитектурной среде страны эмиграции. Хотя, безусловно, русских (а точнее российских) архитекторов волновал вопрос национальной идентичности в собственном творчестве, и этого нельзя отрицать, о чем пойдет речь дальше. И все же, есть общие существенные черты, которые феномен архитектуры Русского зарубежья характеризуют объективно целостным, вопреки внешней неоднородности. В первую очередь, общность касается структуры деятельности русских архитекторов в зарубежье.

– поколенческая структура архитектурной эмиграции, схожесть жизненной и творческой судеб поколений эмигрантов, обусловленных самой историей русской эмиграции. Всего три поколения: первые два, которые получили образование в России (успевшие реализоваться еще в до-эмигрантский период и только получившие образование) и третье, молодое, получившее образование уже в эмиграции.

– правовая проблема: ограниченное право на труд, постоянная борьба за место на рынке труда как иностранцев, кроме естественной конкуренции с местными мастерами.² Это одна из самых насущных проблем, и потому ей уделялось особое внимание профессиональной печати. Архитекторы-корреспонденты из разных стран присылали в редакцию журнала „Русский зодчий за рубежом” (выходил в Праге, 1938–1942) обзоры правового положения зодчих-эмигрантов (илл. 1а). Из этих публикаций видно, что в эмиграции 1920–1930-х гг. правовые ограничения на труд – норма жизни. Архитектор Н. Казаков из Брюсселя писал: „Что же касается архитекторов-иностранцев, то проект закона предусматривает возможность архитектурной практики их постольку, поскольку существует условие взаимности, принятой в стране данного лица. Для русских эмигрантов, за отсутствием взаимности, положение усложняется”.³ По словам архитек-

тора Л. Курпатова из Финляндии: „архитекторов-иностранцев...в стране очень мало, главным образом работающих в разных архитектурных бюро. Получить же значительный самостоятельный заказ для архитектора-иностранца и в особенности русского – почти невозможно, как в силу многочисленности местных архитекторов и их сплоченности, так и вследствие большого «патриотизма» заказчиков”⁴

Архитектор Л. С. Лада-Якушевич, выпускник Чешского Высшего технического училища (ЧВТУ), подчеркивает создание национальными институциями благоприятных условий для работы именно чешских архитекторов, в то время русские, как иностранцы, были ограничены в своем труде.⁵ В 1928 г. в Чехословакии вышел закон об охране национального рынка труда, и соответственно русские выпускники высших чешских заведений равных с чешскими коллегами прав не имели по определению.

Ограничения права на труд не коснулись только тех, кто работал в странах, испытывающих острый дефицит собственных архитектурно-инженерных кадров: например, в королевстве Сербов, хорватов и словенцев в 1920-е гг., в те же годы в Китае, а также в Афганистане, Иране. Много русских имен скрывалось под именами работодателей, т.к. они зачастую не имели юридического права на самостоятельную архитектурно-строительную практику, несмотря на диплом и практический опыт. Нарушение авторских прав было повсеместным.⁶

Тем не менее, результаты большой выставки проектных работ архитекторов в Праге 1938 г., собранных с „5/6 поверхности земного шара”, были впечатляющими и в критической статье по ее поводу писалось: „Успехи русских архитекторов не являются в виде исключения в какой-либо художественно и технически отсталой стране, замечаются по всей Европе...В тяжелых услови-

² Лешко (2007: 122–131).

³ Казаков (1938: 11). „Условие взаимности” – одна из норм международного права, предполагающих ответное адекватное отношение дружественных государств. Наши соотечественники, оказавшись за границей в результате политических катаклизмов 1917 г., находились в неопределенном и двусмысленном положении: мировое сообщество в большинстве не признавало власть советов, а законодательство бывшей российской империи потеряло значение. Об „условии взаимности” говорить не приходилось. К 1938 г. ситуация была относительно урегулирована, но, как видим, в частности, Бельгии это не касалось.

⁴ Курпатов (1938: 22).

⁵ Лада-Якушевич (1938: 28).

⁶ Отдельная история о насильно репатриированных после второй мировой войны в СССР „русских чехов”. Единицы из них вернувшиеся в Чехию после ГУЛАГа сознательно оставались „в тени”, не претендовали на соблюдение авторских прав, дабы не привлекать к своей персоне внимания. Этот факт, а также организационная особенность архитектурной деятельности (коллективной и менее индивидуализированной, чем художественная деятельность в смежных искусствах) рождает проблему последующей идентификации и атрибуции, авторства объекта.

Илл. 1а, б. Обложка журнала „Русский зодчий за рубежом“, Прага, 1940, Российская Государственная Библиотека, Отдел Русское зарубежье

ях небывалой конкуренции, без средств и оборотного капитала, русские сумели выйти в первые ряды, сумели заставить признать и отметить свои успехи”.⁷ Эта обобщенная характеристика изнутри (самооценка) результатов деятельности архитекторов Русского зарубежья в целом важна для нас в аспекте поставленной проблемы.

По мнению югославского академика А. Белича, давшего в 1933 г. высокую оценку вклада русской творческой эмиграции в культуру Европы, „...если бы не вмешательство государства во многих странах, ограничившее свободу применения знаний и труда русских интеллигентов, эта победа их культуры была бы еще значительней”.⁸

– широта профессиональной деятельности: кроме архитектуры, занимались художественно-выставочной, преподавательской, издательской, научной. Российские архитекторы, как мастера, получившие известность в России, так и молодые, не успевшие полно реализовать себя на родине, наряду с архитектурным проектированием, занимались ради выживания в эмиграции самыми разными заказами: визуализацией

проектов других авторов, декорированием фасадов и интерьеров, конструкторскими работками, инженерными расчетами, рекламным оформлением, обрабатывали архитектурные идеи других авторов, работали техниками, простыми чертежниками, оформителями. Многие вынуждены были вообще расстаться с архитектурой.

– активная жизненная позиция, выражающаяся в самоорганизации в объединения, союзы, интеграция в местные профессиональные сообщества. Можно полагать, что созданные уже за рубежом российскими эмигрантами профессиональные сообщества, наподобие тех, что существовали в дореволюционной России (Общество гражданских инженеров, Общество архитекторов-художников и др.), в определенной степени наследовали их цели и формат работы, плюс к этому помогали с трудоустройством коллегам, что было одним из самых важных аспектов деятельности подобных союзов. Многие архитекторы становились видными общественными фигурами местной русской диаспоры. Они осознавали свою „особость” в местном профессиональном цехе и позиционировали себя „русскими архитекторами”. Подчеркнем, что новое поколение русских архитекторов в Чехослова-

⁷ Редколлегия (1938: 2).

⁸ Белич (1933: 32).

кии, которое получило высшее образование уже в эмиграции на рубеже 1920–1930-х гг., „русскими архитекторами” считало не только этнически русских, но и тех, кто соотносил себя с русской культурой, включая иностранцев, окончивших архитектурные школы России. Основанием этому стало множество живых откликов на их призыв к объединению, адресованный иностранцам, которые до революции учились и работали в России. В целях связи русских зодчих по всему миру лидерами этого поколения был основан упоминавшийся выше журнал „Русский зодчий за рубежом”, создан архитектурный отдел русского культурно-исторического музея в Праге с фондом архитектурных проектов русских архитекторов, собранных со всего мира.

Задачей, которую это поколение возложило на себя, было преодоление инерции разделяющих русских архитекторов в зарубежье времени и пространства и сплочение в *единое целое*. „Только при наличии взаимной тесной связи и ознакомлении друг друга с достигнутыми результатами, мы... ощутим свое профессиональное значение как члены единой семьи”, – декларировалось в программной редакционной статье „Наш путь и наши задачи” в первом номере журнала. По данным Объединения русских архитекторов, созданного в 1926 г., на 1939 г. среди русской эмиграции насчитывалось свыше 400 архитекторов.

Статьи, теоретические рассуждения, выступления и мемуары в большей степени, чем архитектурное наследие в виде объектов, позволяют утверждать, что в архитектурной среде Русского зарубежья велись поиски стилистики, выражающей национальную идентичность. Эти поиски являются объединяющим творческим началом. Архитекторы задавались вопросами: как сохранить свое лицо в инокультурной среде, как сознательно или подсознательно проявляется „русскость” в их творчестве? И приходили к выводу, который для них самих был парадоксальным: „Для того, чтобы *русский* сохранил свое лицо, он должен уметь отбросить типичные черты местной локальной архитектуры, подняться над ней и быть космополитом, – для того чтобы остаться *русским*. В этом большая опасность. В этом и вся будущность обновленной *русской архитектуры*. Взять все лучшее, отбросить «провинциальное», быть выше, чтобы не потерять свое лицо в окружающей среде, живя в тоже время с ней

общими интересами”.⁹ Теоретические рассуждения, как показало время, не нашли сколько-нибудь адекватной реализации в практике проектирования, социо-культурные реалии страны проживания неизбежно обуславливали творчество. Однако, декларируемый творческий метод, с помощью которого, как им представлялось, можно преодолеть время и пространство, их разделяющее, и одновременно не слиться с локальной культурой отдельной страны, соответствовал в целом духу переосмысления философии и культуры межвоенной Европы.

Естественной областью реализации „русской архитектуры” в национально-идентичном стиле стало православное зодчество, которое в Русском зарубежье существовало повсеместно. Хронологическое сопоставление в одном ряду архитектурного наследия многих центров русской эмиграции показывает, что в храме как типе сооружений, наиболее полно проявилось единство подходов проектирования. Как в смысле обращения к одним стилистическим истокам, так и в смысле преемственности в формировании, со временем все более адаптирующихся к новому социально-общественному контексту и откликающихся на художественные веяния эпохи модернизма.

Итак, представлены те характерные черты русского архитектурного зарубежья, которые позволяют представить его как целое и сформулировать особенности этого явления в Польше.

Оказавшиеся после революции 1917 г. и распада Российской империи на территории Польши люди свободных профессий составили четко выделяемую группу – это „творцы польского происхождения, выезжавшие в Польшу в рамках репатриации. Особо можно выделить среди них тех поляков, кто с ранней молодости жил в центральной части России и чья профессиональная карьера была связана с русской средой”.¹⁰ Как раз к этой группе и относятся архитекторы польского происхождения из России, назовем их польско-русскими архитекторами, которых условно можно отнести к архитекторам Русского зарубежья. На самом деле существует отчетливая двойственность в социальной идентификации группы этих специалистов-поляков, которые получили образование в рос-

⁹ Редколлегия (1938: 2).

¹⁰ Obuchowa-Zielińska (2012: 75).

сийских архитектурных школах, десятилетиями работали в России и имели там профессиональный успех, „срослись” с ее культурой, но выехали в пореволюционные годы из России официально, как репатрианты, и совсем не в чужие страны, а на историческую родину. В России они были „русскими” архитекторами, в Польше стали польскими.

Те крупные архитекторы польского происхождения, которые до конца своих дней остались в России (и до, и после революции), в общественном и профессиональном сознании являются „русскими”: Петр Онуфриевич Сальманович (1833–1898), чьи теоретические работы по дешевому жилищу связаны с открытием нового периода развития градостроительной мысли России; Иосиф Болеславович Михаловский (1864–1939) – крупнейший историк всемирной и русской архитектуры, труды которого по теории архитектурных форм стали классическими; Мариан Марианович Перетяткович (1872–1916), Степан Самойлович Кричинский (1874–1923) – прославленные петербургские архитекторы, авторы выдающихся гражданских построек, православных храмов, внесших значительный вклад в формирование облика столицы на рубеже XIX–XX вв., и другие знаменитые зодчие. Имена десятков и десятков менее известных архитекторов польского происхождения, работавших в Сибири, на российском Дальнем Востоке, в Китае вошли в историю русской архитектуры как русские архитекторы. Их польское происхождение естественно не фиксировалось в условиях многонациональной Российской империи, не осознается и сегодня в отечественной архитектуроведческой науке.

Для польско-русских архитекторов, репатрировавшихся в Польшу, не существовало многих проблем, насущных для архитектурного мира Русского зарубежья остальной Европы. В Польше они не были эмигрантами, иностранцами, российские дипломы были легитимны и высоко ценились; они создавали собственные архитектурные студии на равных основаниях с остальными специалистами, порой занимали высокие посты. Конкуренция естественно была и в Польше, но в рамках штатной творческой конкуренции.

Карьеры более или менее известных в свое время в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе, Киеве, Баку, Варшаве и других крупных рос-

сийских городах польско-русских архитекторов в независимой Польше, судя по польским исследованиям, сложились успешно. Их творческая энергия была востребована, они получили работу и признание, активно участвовали в профессиональной жизни Варшавы и других городов Польши: Н. К. Толвинский, С. В. Ноаковский, М.С. Лялевич, Э. И. Норверт, А. Н. Зелигсон, С. П. Галензовский, В. Городецкий, Э. Гольберг, К. Ц. Скуревич, П. Вендзягольский, А. Шишко-Богуш, И. В. Падлевский, В. В. Гостынский.¹¹ В список этих имен не включен К. Г. Сколимовский (1862–1923) – выпускник Баварской высшей технической школы и Санкт-Петербургской Академии художеств, архитектор-градостроитель, проявивший себя новаторским градостроительным проектом г. Дальнего в российской концессии в Китае на рубеже XIX – XX вв. Его проект современниками расценивался как исключительное явление русского градостроительного искусства.¹² Сколимовский репатриировался в Польшу, но его жизнь вскоре оборвалась, и он не успел реализоваться.¹³ Наверняка, такой случай не единственный.

Для сравнения с польской ситуацией можно привести в пример судьбу блестящего санкт-петербургского русско-шведского архитектора Федора Лидваля, репатриировавшегося в 1918 г. в Швецию, откуда он родом. Судьба его сложилась совершенно иначе при, казалось бы, аналогичных условиях. Органичной творческой адаптации не произошло, и, несмотря на продолжающуюся деятельность (в жесткой конкуренции с местными архитекторами), стокгольмский период не идет ни в какое сравнение с петербургским. В Швеции имелись местные профессиональные кадры, и его талант, мастерство совершенно не были востребованы, и какого-либо признания в стране своего происхождения он так и не получил. Есть примеры вполне успешной в профессиональном плане репатриации литовско-русского архитектора Миколаса

¹¹ Бараневский (2005: 139–140); Омилановска (2005: 76–85).

¹² Семенов (1912: 173).

¹³ Творчеством Г. К. Сколимовского в Санкт-Петербурге и Китае я занимаюсь много лет, но только в 2012 г. установила факт его репатриации в Польшу, год и место смерти (1923, г. Калиш), что говорит о насущной необходимости изучения творческих биографий польско-русских архитекторов „до” и „после” репатриации совместными усилиями российских и польских исследователей.

Сонгайла в Литву, русско-эстонского архитектора и автора многих учебников Александра Артемьевича Полещука в Эстонию, чья карьера в Таллине пошла по ниспадающей по сравнению с Санкт-Петербургом. Можно привести еще примеры, но столь массовой как в Польшу репатриации архитекторов – этнических поляков больше нигде не найдется, а творческие судьбы репатриантов не были столь впечатляюще успешны как у польско-русских архитекторов.

Еще несколько особенностей „Русского зарубежья” в Польше.

В Польше не стояла проблема преемственности архитектурной школы, сохранения „русского культурного кадра”, чему уделялось много внимания в других странах. Варшавский Политехнический институт продолжал готовить архитекторов, как и до 1917 г. Ведущие педагоги на архитектурном факультете были известные польско-русские архитекторы, такие как Н. К. Толвинский, П. А. Феддерс.

Поиски путей развития архитектуры православных храмов и иконописи, которыми активно занимались в русском зарубежье, в Польше отсутствовали по известным причинам.

Для российской эмиграции характерно рассеяние по всему миру: случай, обстоятельства, географическая близость. Для польско-русских архитекторов из европейской России путь был один – в II Польскую республику, в страну своего происхождения, где язык и культура – являются родными или, по крайней мере, не чужие.

По имеющимся исследованиям айзербайджанской (бакинской по преимуществу) ветви польско-русских архитекторов можно сделать такой вывод: в Польшу репатриировались единицы, большинство там и осело. Интересно в сравнительном аспекте было бы проследить статистику и по Киеву.

Однако в данной работе хочется зафиксировать еще один вектор эмиграции польско-русских архитекторов, на фоне которого становится ясен один момент. Из специалистов, работающих на российском Дальнем Востоке, среди которых, как уже указывалось, было много поляков, во многом сложился круг архитекторов, которые на рубеже 1900-х годов осваивали полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги в Китае (П. Е. Базилевский, И. И. Обломиевский, Л. М.-И. Чайковский, К. К. Иокиш, И. Цитович), вероятно кто-то из

них мог там и остаться. Вторую группу составили те, кто эмигрировал в Китай в 1920-е гг. из близлежащих к его границам российских городов и областей, но есть и из Одессы (А. А. Мясковский, Б. М. Тустановский и много других похожих на польские имен, национальная принадлежность которых точно не установлена).¹⁴ В хорошо изученной дальневосточной ветви российской архитектурной эмиграции ее польская часть не вычленяется. Ясно, что национальность архитекторов в Русском зарубежье важна именно в случае репатриации в Польшу.

А как в самом Русском зарубежье 1930-х гг. воспринимали архитекторов из России, репатрировавшихся в Польшу? Некоторые выводы можно сделать, проанализировав неизвестные нам ранее факты деятельности и самоидентификации польско-русских архитекторов в Польше межвоенного периода.

На обложке журнала „Русский Зодчий за рубежом” дано название журнала на 26 языках мира, в том числе и на польском... (илл. 1б). В этом же издании есть заметка, что в Варшаве ведется работа по присоединению к объединению русских архитекторов за рубежом, и из Варшавы „прибыли списки русских архитекторов и лиц, окончивших русские архитектурные школы”. В приветственном слове Объединению русских архитекторов в Париже, строчка призыва к остальным: „Ждем, что примеру Парижа последует Белград, В а р ш а в а, Шанхай и Нью-Йорк!”.

В главном печатном органе русских эмигрантов в Польше, варшавской газете „Меч”, была опубликована заметка „Русские архитекторы в Зарубежье”, в которой, наряду с другими странами, указывается и Польша, где работает 12 русских архитекторов.¹⁵ Кто эти 12 поляков, которые продолжали и в 1938 г. ощущать себя неразрывно связанными с русской культурой? По всей видимости, речь идет именно о польско-русских архитекторах, чей профессиональный менталитет сложился в России. Думается, что это примерно тот перечень имен, который приведен выше. К сожалению, список не сохранился (или не обнаружен), но и само знание

¹⁴ Требуются дополнительные исследования: С. А. Венсан, В. Ф. Домбровский, Ю. М. Сокольский, М. Н. Горвиц, А. Б. Радбиаль, В. Д. Смигельский, Р. Г. Кетлинский и др.

¹⁵ Русские архитекторы (1938).

о его существовании нам важно. В журнале были опубликованы списки из 20 стран, включая Канаду, Аргентину, Иран, Чили, но не из соседней Польши. При этом сама редакция подтверждала наличие связей с Польшей.

Это отчасти объясняет обобщающая редакционная статья „Русского зодчего за рубежом”: „С первых шагов деятельности выяснилась невозможность точной дефиниции понятия «русский». Яркими и убежденнейшими националистами оказались обрусевшие иностранцы... Необходимо было считаться и с подъяремным состоянием многих наших коллег, которые в силу разных обстоятельств не могли (Польша) или еще не могут открыто заявить о своей национальной принадлежности. Все эти обстоятельства заставили нас считать русскими зодчими не тех, кто по паспорту или по крови является русским, но кто воспринял русскую культуру”.¹⁶ Это утверждение о якобы не свободном положении польско-русских коллег в Польше говорит о неоднозначности ситуации, которую нужно исследовать.

Каждому центру русской архитектурной эмиграции в Европе присуща особенность. Уникальность польской ситуации состоит в том, что она существенно отличалась от всего остального Русского зарубежья, поэтому понятие „архитектура Русского зарубежья” по отношению к Польше применять можно, но понимая всю особость социо-культурной ситуации и ее влияние на все аспекты архитектуры.

Обратимся к выводам исследования белой эмиграции в Польше И. В. Обуховой: „Обобщая можно сказать, что несмотря на заметную специфику русской эмиграции в Польше, ей были свойственны основные черты русской диаспоры в других странах. Она была интегральной частью этого своеобразного социума ..., осознававшего свою общность. Реальная включенность польской части русской эмиграции в структуру эмиграции первой волны делает необходимым ее изучение именно под таким углом зрения”.¹⁷

Соглашаясь с этим выводом, заострю внимание на следующем. Вопрос о структуре архитектуры „Русского зарубежья” в Польше первой волны, как мне кажется, пока остается открытым: мастера, их творчество в совокупности

до и после репатриации в Польшу, наследие, стилевые взаимовлияния, отличия в характере деятельности польско-русских архитекторов от других и т.д.¹⁸ Методика исследования должна определяться характером материала, т.к. здесь ситуация уникальная, не имеющая аналогов в других регионах русского рассеяния.

Библиография

- Бараневский 2005 = Бараневский, В[альдемар]: „Между давлением и равнодушием. Архитектура в свете польско-российских отношений (XX век)” [в:] *Москва – Варшава 1900–2000 / Warszawa – Moskwa 1900–2000*, каталог выставки, Национальная галерея искусств Захента, Государственная Третьяковская галерея, АртХроника, Москва 2005: 139–140.
- Белич 1933 = Белич, А[лександр]: *Русский дом имени императора Николая II в Белграде*, Белград 1933.
- Казаков 1938 = Казаков, Н[иколай]: „Правовое положение архитектора в Бельгии”, *Русский зодчий за рубежом*, 1 (1938): 75.
- Курпатов 1938 = Курпатов, Л[еонид]: „Правовое положение архитектора в Финляндии”, *Русский зодчий за рубежом*, 11–12 (1938): 22.
- Лада-Якушевич 1938 = Лада-Якушевич, Л[еонид] С.: „Прогноз будущего чешской архитектуры в связи с общеполитическими событиями”, *Русский зодчий за рубежом*, 13–14 (1938): 28.
- Левашко 2007 = Левашко, С[ветлана] С.: „Правовые аспекты деятельности русских зодчих за рубежом в 1920–1940-е гг.” [в:] *Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы*, З. С. Бочарова (ред.), Издательство Сударыня, Санкт-Петербург 2006: 122–131.
- Обухова-Зелинская 2008 = Обухова-Зеленская И[рина] В.: „Русская эмиграция в культурной жизни межвоенной Польши (1918–1939)” [в:] *Нансеновские чтения 2007*, М. Толстой (ред.), Издательство Сударыня, Санкт-Петербург 2008.
- Омилановска 2005 = Омилановска, М[алгожата]: „Польские архитекторы в Российской Империи XIX – начала XX века”, *Пинакотекa*, 20–21 (2005): 76–85.
- Редколлегия 1938 = Редколлегия: „Музей”, *Русский зодчий за рубежом*, 1 (1938): 2.
- Редколлегия 1939 = „Редколлегия: От редакции”, *Русский зодчий за рубежом*, 17–18 (1939): 38.

¹⁶ Редколлегия (1939: 38).

¹⁷ Обухова-Зелинская (2008: 382).

¹⁸ На сегодня только имена двух польско-русских архитекторов С. В. Ноаковского и Э. И. Норверта, чье творчество пришлось в равной степени на Россию и Польшу, изучены в полной мере: им посвящены фундаментальные исследования, чего нельзя сказать о других персоналиях.

Русские архитекторы 1938 = [без автора]: „Русские архитекторы в зарубежье”, *Меч*, 19 (1938).

Семенов 1912 = Семенов, Н[иколай]: В.: *Благоустройство городов*, Тип. Рябушинского, Москва 1912.

Obuchowa-Zielińska 2012 = Obuchowa-Zielińska, Irina: „Problemy badań sztuki na uchodźstwie: Pol-

ska na mapie rosyjskich badań nad emigracją” [в:] *Польша–Россия: искусство и история*, тезисы докладов, Варшава 2012: 75.

Svetlana S. Levoshko

Architecture of the Russian abroad in Europe and peculiarities of this phenomenon in Poland

The architecture of the Russian abroad of the first wave of emigration represents the complete sociocultural phenomenon, despite the widest geography of distribution and original conditions of an existing in each country. Searches of a creative method were directed on “time” and “space” overcoming, that dividing the Russian emigration, and also on dispassionateness from local culture of the country recipient. The declared method as a whole corresponded to spirit of reconsideration of philosophy and culture of interwar Europe.

Characteristic features of the Russian architectural abroad are presented in the article and peculiarities of the phenomenon in Poland are formulated. Architects of the Polish origin, whose professional career since early youth was connected with the Russian surroundings, appeared in Poland within repatriation after disintegration of the Russian Empire as a result of the revolution of 1917. In social identification of these Poles there is a distinct duality. In Russia they were the “Russian” architects, in Poland – “Polish”. Names of many tens architects of the Polish origin which had remained in Russia after the revolution, went down to history of the Russian architecture as the “Russian” architects. In the Chinese branch of the Russian emigration its Polish part also was never identified. Thus, the Polish origin of architects from Russia was the dominant characteristic only in a case with Poland.

For the Polish-Russian architects repatriated to Poland there were no problems, that were vital for their colleagues emigrants in other countries. In Poland they weren't emigrants. Careers of the majority of them developed quite successfully, they got a job and also won recognition.

So, the Polish situation differed from all other architectural world of the Russian abroad in its specific peculiarities. On the other hand, as the researchers of emigration show, after all the Polish part of the Russian emigration has the basic features of the Russian diaspora in other countries with which it realized its community. Thus, the concept “architecture of the Russian abroad” in relation to Poland is methodologically competent if to take into consideration accurately all depth of specifics of a sociocultural situation.

The technique of researches of a phenomenon of architecture of the Russian abroad in Poland has to be defined by uniqueness of the situation which doesn't have analogs in other regions of the Russian dispersion.